

тем орудиям, которыми работают, к тем средствам, которые обеспечивают успех в труде. Именно в этом — в утверждении результативного, мастерского труда — состоит важнейший идейно-эстетический смысл рабочего фольклора.

Для понимания фольклорных произведений рабочих, их генезиса, функций, идейно-художественной сути необходимо знать комплекс производственных условий и учитывать социально-психологический фактор.

Л. С. ШЕПТАЕВ
Ленинградский пединститут

К вопросу о поэтике рабочих песен

Первые рабочие песни появились на Урале в середине XVIII в. вместе с формированием крепостных горнорабочих. Но до сих пор они мало изучены. До революции в силу открытого социального протеста, содержащегося в них, они преследовались и не допускались в печать. Только во 2-й половине XIX в., благодаря усилиям шестидесятников-демократов, они появляются в газетах¹. Отдельные редкие тексты в виде иллюстраций попадают в работы по истории уральских заводов².

Исследования об этих песнях появляются лишь в 1929 г.³ Изучалась тематика песен, отражение в них труда и быта уральских рабочих, ненависти к заводчикам и заводской администрации.

Поэтики этих ценнейших песен исследователи касались мало и поверхностно. Высказывалось мнение, что горнорудные крепостные песни рабочих являются чем-то новым по сравнению с привычным нам фольклором.

Для выяснения корней изучаемого стиха нельзя опираться на частности, необходимо опираться на вид русского стиха определенной эпохи, который мог бы оказаться предысторией горнорабочего стиха.

Уральские горнорабочие XVIII в. были близки деревне с ее понятиями, поэтическими навыками. Они не восприняли городские традиции, так как не знали грамоты, а обратились к издавна бытовавшей в средние века в деревне стиховой системе раешного стиха, раешника, который широко практиковался народными певцами, сказителями-скоморохами. По своей структуре этот стих близок к акцентному равноударнику. В нем нет

¹ См.: Томские губернские ведомости, 1865, № 17—18.

² См.: *Семевский В. И.* Из истории обязательного горного труда в Сибири. Иркутск, 1897.

³ См.: *Соболев П. М.* Новые задачи в изучении фольклора: Революция и культура. Смоленск, 1929, кн. 1.

скованности силлабического сугубо книжного стиха — 11-сложника или 13-сложника XVII в. В то же время стиховой ритморяд и мерность раешной речи легко улавливаются благодаря паузам между строками, заканчивающимися парной рифмой. Так, раешником выдержано сатирическое «Дворительное послание недругу» XVII в.⁴

Рожь раньше пожали,	А и лавка, государь, была узка,
(3 ударения)	(3 ударения)
А сами сбежали.	И взяла меня великая тоска.
(2 ударения)	(3 ударения)
А ныне воистину живем	А послана рогожа
в погребнице	(2 ударения)
(4 ударения)	И спать непогоже...
И кладем огнище.	(2 ударения)
(2 ударения)	

Облегчена строка раешника и по сравнению со строкой былины с ее тактово-прозодическим стихом, с ее обязательным единством интонационно-логических ударений в строке. Раешник — неестественный реалистически-смысловой стих, в котором речь сказителя и певца вольно течет, приближая текст к живой разговорной речи⁵. Будучи смысловым стихом, приближающимся к разговорному типу речи, раешник не отличается единообразием синтаксиса, разнообразит в строках логически-смысловые ударения:

Сидит поп в коробу,	Всех за бороду дерет.
(3 ударения)	(3 ударения)
Словно божий раб в гробу.	Поповы-то ребята
(3 ударения)	Лежат на полатах... ⁶
Попадья-то ревет,	
(2 ударения)	

Те же двустрочные строфы, та же разница в количестве логически-смысловых ударений по строкам и в горнорабочих песнях.

Как подрядчики на нас	Приогрянем в молотки,
Не косили б своих глаз,	Разобьем руду в куски.
Не грозили бы рукой,	Ой, ты, свет наша
Не страшали бы лозой.	умильна,
	Змеевская плавильна! ⁷

⁴ См.: Шентаев Л. С. «Дворительное послание недругу»: Посадская сатира первой половины XVII в. — Тр. отд. древнерус. лит. АН СССР, 1953, т. 9, с. 371—379.

⁵ Подробнее о поэтике раешника см.: Шентаев Л. С. Русский раешник XVII века. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1949, т. 37, с. 17—43.

⁶ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. д. СПб., 1898, т. 1, вып. 1, разд. А, № 97.

⁷ См.: Томские губернские ведомости, 1865, № 17—18.

Веселое зубоскальство проскальзывает в раешнике. То же мы встречаем в рабочих песнях, например, в сцене телесного наказания розгами:

Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч.

Да оттудова валится,
О чем петь нам не годится⁸.

Как в стихе рабочих песен, так и в раешнике используется прием обыгрывания имен:

«О, се горные работы...»
Пойдем к Бельмесову,
Запоем песню веселу.
Проедем в Саушку,
Попросим баушку...⁹

Ерш Ершович
Шел Перша, заложил
вершу,
Пришел Богдан, да ерша
бог дал.
Пришел Иван, ерша
поймал,
Пришел Устин, да ерша
упустил...¹⁰

В раешнике ощутима народная тенденция к расширению поэтического словаря. В сатирических повестях XVII в. («Праздник кабацких ярыжек», «Повесть об Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная» и др.) раешник использует бранные характеристики героев: кабацкое скитание, дурносоп, пес, черт, клоп, нетопырь, дурак и др. То же в песнях горнорабочих: «Шары (глаза.— *Л. Ш.*), оставит», «Пишичек (писец.— *Л. Ш.*) плешатый, дурак»; «Не хочу тебе, хозяин, такой сволочи служить».

Этот лексикон имеет у рабочих определенный социальный адрес и направляется против хозяев и их прислужников.

Расширение поэтического словаря как в рабочей песне, так и в раешнике идет также и за счет иностранных слов (например, «Лечебник, како лечить иноземцев»). В уральских песнях вводится торжественная «славянщина» (см.: «О, се горные работы...»). Попадают в рабочую песню и слова из немецкого языка: бергама (бергамт — горная военная канцелярия), оберштейгер-офицер, иногда встречаются украинские слова: «Сапоги без подборов (подошвы.— *Л. Ш.*), без халяв (голеньица.— *Л. Ш.*), усю зиму щеголяв».

Рифма в ранних рабочих песнях также строится по законам раешной рифмы, характерна свобода рифмования. В подавляющем числе случаев мы встречаем одночастную рифму: работы — заботы, нескучно — неразлучно, несли — ушли. Одночастность (принадлежность рифмы к одной части речи) указывает на ран-

⁸ *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых приисках. СПб., 1898, т. 1, с. 286.

⁹ Там же.

¹⁰ *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937, с. 161.

нюю степень развития стиха. Но иногда встречаются и рифмы из разных частей речи: нас — глаз (местоимение — существительное), лечь — плеч (глагол — существительное), богат — брат (прилагательное — существительное). Рифмуются и омонимы: молодцы — молодцы. Местами заметна подгонка под рифму ударения: во городе — городу-году, уменьшение слогов в слове для рифмы, т. е. выбрасывание целых слогов (першивали), добавление междометия в конце строчки:

Эх, нет на свете тяжелей,
Как работа в шахте. Эй!

При анализе рифмы необходимо тщательно учитывать уральские диалекты. «Записыватели» и собиратели рабочих песен очень много напортили, стремясь «облитературить» эти песни, постоянно коверкая и ломая их во избежание передачи диалекта. Такова строфа:

Эх, ты, матушка Исять,
На коленочки присядь.

Исследователь же в песне уральского шахтера слышал эти строки иначе:

Эх, ты, матушка Исеть,
На коленочки присесть.

Собиратель не только лишал строки местного колорита, но и уничтожал, ломал звучную, яркую рифму. Диалект на Урале складывался веками. При записи песен рабочих особенно важно учитывать, что на Урале для некоторых слов имеются свои ударения: плотина́ вместо плоти́на. Проявляется диалект и в фонетике. В первом лице множественного числа глагола уральцы делают окончание -ём. Не учитывая этого, собиратель не увидит очень хорошей рифмы в слове «позавтракаём»:

Калачей на грош возьмем
И позавтракаём.

А в 3-м лице единственного числа суффикс сокращается:

Решеточки загремят,
Наше сердце уныват ¹¹.

Для изучения рифмы очень важна в раешнике третья раешная строка. На Урале в горнозаводских песнях XVIII в. она отсутствует, но в более поздних народных песнях раешник

---

¹¹ Кстати, неверно истолковав значение слова «решеточки», исследователи пришли к неправильным выводам о каторжно-тюремных условиях жизни героев песни. Слово же «решетка» — корзина для инструмента.

оказывается с третьей строкой, например, в песнях о шарташских кержаках-староверах¹², в песне «Быль»¹³.

Социальный гнев крепостных в их песнях настолько отчетлив, что позволяет говорить о связи этих песен с песнями повстанческими. Так, уже в советское время на Урале записана разбойничья песня о рабочих XVIII в. В ней рассказывается, как рабочие бежали в горы и леса Урала, создавали разбойничьи шайки.

Благослови, сударь-хозяин,	Ах, да не выпускают.
У тебя ли во дому,	Там нас голодом морят,
Во высоком терему	Ах, студенцою поят!
Поскакать, поплясать,	Уж вы, горы, да горы
Про все города сказать,	высокие,
Про все Демидовые.	Уж леса на горах да
У Демидова в заводе	дремучие!
Работушка тяжела...	Вы укройте разбойничков
Ах, работушка тяжела...	бедных,
Ах, спинушки болят!	Добрых молодцев, людей
В рудник-каторгу сажают,	беглых,
	Ах, людей да Демидовых ¹⁴ .

Характерно, что данная песня более связана с раешником, чем предыдущие. Зачин песни прямо перенесен из скоморошьяй игровой песни, начинающей скомороший концерт. Это вступление изображает просьбу вошедшей в дом ватаги, которая начинает типичный вокальный концерт позднего русского средневековья.

Кроме того, горнозаводские песни текстологически прямо связываются с повстанческим циклом песен о Степане Разине. К уральским горнозаводским песням относят песню о встрече заводчика Скарнаухова с бежавшими рабочими. Начинается песня так:

Вы, леса ль мои, лесочки, леса темные!
Вы, кусты ль мои, кусточки, кустики ракитовы!

Это введение заимствовано народом из разинского цикла, из песни «Разин остался один»¹⁵. Главный хозяин, граф Скарнаухов, изображается в качестве ласкового патриарха, а его рабочие в виде его «детишек». Фабрикант идет недовольным навстречу, обещает им новые фабричные «горницы», новые станы и необычайно высокую плату.

¹² Напр., песня «Во Шадринском во селеньи». См.: Пермский сб., 1859, кн. 1, разд. 2, с. 1—8.

¹³ См.: Владивосток, 1893, № 37, 40, 43, 44.

¹⁴ Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936, с. 273.

¹⁵ См.: Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966, разд. «Разин остался один», № 311—321.

Горнорабочая песня XVIII в. имеет еще одно исключительное свойство — коллективность. Коллективность не только в смысле хорового исполнения, но и по существу разрабатываемого образа. Героем песни является не индивидуальный рабочий, а вся рабочая масса, от лица многих героев поется об одинаковой судьбе всех этих людей, связанных едиными условиями жизни и одной жестокой судьбой на фабриках, заводах, рудниках. Это подчеркивается и вербально: «Мы примамся работать»; «Наши горные работы»; «Наше сердце уныват»; «Да оттудова валится, что и петь нам не годится».

Положение рабочих на предприятии было полувоенным: жизнь в казармах, вставание ранним утром по гудку, переходы по заводу пешком строем, работа под специальным постоянным надзором. Громкие песни на улице нередко имитировали здоровье, удале рабочих, их «беспечальную» жизнь заливчатых парней. Громкая, дружная песня была тогда для рабочих обязательной, входила в подневольный этикет. Под заводской кабалой находились различные прослойки крестьян-рабочих. На помещичьи фабрики сгонялись вотчинные крепостные. К купеческим прикупались посессионные. К фабрикам, рудникам «присваивали» ссыльных, каторжных, кабальных холопов, бродяг. Были и наемные рабочие из крепостных, приписывали государственных крестьян. Работа на Уральских заводах приравнивалась к военной службе, рабочие подчинялись военной дисциплине. В этих условиях формировалась поэтика ранних рабочих песен.

В. В. БЛАЖЕС
Уральский университет

Юмористические рассказы и анекдоты, бытующие в рабочей среде

Современные народные юмористические рассказы и анекдоты относятся к числу малоизученных, по крайней мере, трудно назвать какое-нибудь специальное исследование. Этот пласт народной прозы незаслуженно оказался в тени. Достаточно просмотреть региональные сборники последних десятилетий, чтобы убедиться в том, что народные комические рассказы, анекдоты или совсем не попадают в число публикуемых материалов, или публикуются в самом небольшом количестве и даже не выделяются в специальный раздел. Между тем каждый фольклорист, занимающийся экспедиционной работой и наблюдающий процессы, происходящие в современном народном творчестве, постоянно сталкивается не только с так называемыми бытовыми сказками, которые, кстати сказать, как раз